

У Л. Н. Толстого въ голодный 1892 годъ.

Глава X *).

Разъѣзды по окрестнымъ деревнямъ

Такъ какъ я все продолжала оставаться въ Бѣгичевкѣ, то я рѣшила даже, при случаѣ, заѣхать на мельницу, чтобы взять тамъ кое-какія вещи. Этотъ удобный случай подвернулся какъ разъ на другой день. Левъ Ник. попросилъ меня съѣздить въ маленькую деревню Софіевку, чтобы уладить тамъ какія-то недоразумѣнія, а кстати и навѣстить по дорогѣ всѣ другія столовыя, какія мнѣ встрѣтятся.

По дорогѣ лежала какъ разъ моя мельница и деревни, столовыми которыхъ я завѣдывала до сихъ поръ. День былъ хмурый, невеселый, но не холодный. Въ Татищевѣ присоединился ко мнѣ и мой постоянный спутникъ, Вася. Онъ лучше меня зналъ окрестныя мѣста и ужъ во всякомъ случаѣ лучше зналъ, гдѣ удобнѣе проѣхать. У меня иногда случались серьезныя затрудненія, благодаря моему незнанію мѣстности. Такъ, разъ у меня упала лошадь на какомъ-то высокомъ бугрѣ подъ рѣчкой Рыхоткой. Она поскользнулась на льду. Я остановилась въ недоумѣніи, не зная, что предпринять, какъ мнѣ поднять ее, и совершенно не подозревала всей опасности положенія. Снизу меня, наконецъ, замѣтили изъ двухъ селеній и пришли въ ужасъ. Оказалось, что этимъ бугромъ зимой никто не ѣздитъ, потому что онъ настолько круто спускается со всѣхъ сторонъ, что снѣгъ на немъ не удерживается, и нѣтъ ничего легче, какъ скатиться по голому, гладкому льду въ глубокую долину. Кучка мужиковъ подходила ко мнѣ, дѣлая мнѣ какіе-то знаки издали. Они хотѣли дать мнѣ знать, чтобы я или моя лошадь не сдѣлали никакого неосторожнаго движенія. Но лошадь, къ счастью, не дѣлала сама попытки встать. Нако-

*) „Современникъ“. Кн. V'.

нецъ, они подошли съ большими предосторожностями, выпрягли ее, подняли и тихонько, шагомъ, свели съ бугра.

Во избѣжаніе такихъ приключеній, я и брала съ собою Васю. Во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ его знали и очень сердечно относились къ нему, зная, въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ осталась его семья. Ему никто не завидовалъ за ту помощь, которую мы оказывали его несчастной семьѣ.

Когда мы отѣхали уже довольно далеко отъ мельницы, поднялся вѣтеръ и закрутилъ по землѣ. Погода мѣнялась. Вася нахмурился и предложилъ мнѣ вернуться на мельницу.

— Смотри, потомъ уже поздно будетъ!—предостерегалъ онъ меня.

Но мнѣ казалось совершенно невозможнымъ не исполнить желанія Льва Ник. До деревни было уже недалеко, мы быстро кончимъ дѣла и успѣемъ вернуться. Понемногу начала подниматься и мятель, но мы были уже въ деревнѣ.

Невеселую картину представляла собой Софіевка. Это была маленькая деревня, заброшенная на Куликовомъ полѣ. Около нея—ни деревца, и снѣгъ свободно заносилъ ея избы. Издали ихъ совсѣмъ даже не было видно, потому что около каждой стѣной стояли высокіе сугробы. Приходилось спускаться по довольно высокимъ лѣсенкамъ, продѣланнымъ въ этихъ сугробахъ, чтобы войти въ хату. Въ хатахъ, всю зиму стоитъ полумракъ; а окрестные жители рассказывали мнѣ, что разъ въ очень снѣжную зиму деревню совершенно занесло, и становой долженъ былъ нарядить людей откапывать ее.

Въ избѣ старосты собрался сходъ. Такъ какъ деревня была маленькая, то дѣло шло довольно тихо и мирно. Дѣла обсуждались толково, и все улаживалось. Но переговоры, все-таки, затянулись; да кромѣ того, у нихъ такъ все было мирно и ладно, что пріятно было побыть съ ними подольше, и я не торопилась ѣхать.

Наконецъ, когда я собралась уѣзжать, совершенно уже почти стемнѣло, а мятель крутила все больше и больше.

— Ёхать тебѣ, барышня, нельзя,—заявили мнѣ крестьяне,—оставайтесь у насъ ночевать.

Но я и слышать объ этомъ не хотѣла. Не можетъ быть, чтобы нельзя было вернуться,—дорога такая знакомая, а дома у насъ такъ хорошо, и сегодня обѣщанъ конецъ сказки. Я во что бы то ни стало рѣшила ѣхать. Намъ запрягли лошадь, вывели на дорогу и долго смотрѣли вслѣдъ.

Но быть дома въ этотъ вечеръ намъ такъ и не удалось. Безпомощно проблуждавъ среди метели по Куликову по

лю, мы волей-неволей должны были ночевать въ первой попавшейся и незнакомой намъ деревнѣ.

Поздно разсвѣло на другое утро. Мятель продолжалась, хотя, впрочемъ, далеко не съ прежней силой.

Проводить насъ до знакомой намъ деревни никто не согласился. Просили и насъ переждать, пока утихнетъ мятель, но днемъ мы уже не видѣли опасности ѣхать дальше. Насъ вывели на дорогу и пожелали намъ счастливаго пути.

Дорогу было чуть видно, да и то, когда мы низко наклонялись изъ саней; но мы теперь были осторожны и внимательно слѣдили, какъ бы не сбиться съ пути. Скоро мы стали страдать отъ холода. Дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, а на мнѣ было все мокрое,—и муфта и шапка, и воротникъ отъ шубы. Я забыла развѣсить ихъ, просушить, и все теперь обледенѣло на мнѣ.

Наконецъ, завидѣлась и зеленая крыша нашей усадьбы. Мы повеселѣли,—сейчасъ оба отогрѣемся. Но, приѣхавъ домой, я уже почти не могла двигать ни руками, ни ногами, не могла сама снять своихъ обмерзшихъ валенокъ. Насъ встрѣтилъ, Левъ Ник. и Павелъ Ивановичъ. Левъ Ник. вовсе не былъ такъ взволнованъ, какъ въ прошлый разъ. Оказалось, что онъ былъ увѣренъ, что я ночевала на мельницѣ. Услыхавъ же рассказъ о нашихъ приключеніяхъ, старикъ пришелъ прямо въ ужасъ. Онъ попросилъ Павла Ив. напоить меня чаемъ, уложилъ меня въ кабинетъ на диванъ, самъ принесъ мнѣ какой-то мѣховой тулупчикъ и укрылъ меня, и все спрашивалъ меня о пережитыхъ впечатлѣніяхъ.

Глава XI.

Открытіе новаго пункта.

На этотъ разъ поѣздка моя обошлась мнѣ не совсѣмъ даромъ. На другой день у меня сильно поднялась температура, а такъ какъ кругомъ насъ свирѣпствовалъ тифъ, и даже мѣстный земскій врачъ былъ боленъ тифомъ, то и мое заболѣваніе встревожило всѣхъ. Потомъ это оказалось простой фоликулярной ангиной, но Марія Львовна уже собиралась писать моей матери, что меня сильно взволновало. Нѣсколько дней мнѣ пришлось просидѣть дома. Левъ Ник. очень волновался за меня, не довѣрялъ моему хорошему аппетиту и утверждалъ, что это я только нарочно храбрюсь.

На другой день, къ намъ приѣхало еще двое гостей, которые встрѣтились и познакомились на станціи, что было пріятной неожиданностью для одного изъ нихъ, не пони-

мавшего ни слова по-русски, шведа по происхождению, Стадлинга. Онъ былъ корреспондентомъ одной изъ англійскихъ газетъ и явился въ нашу глушь, чтобы видѣть Льва Николаевича и познакомиться съ его дѣятельностью въ дѣлѣ помощи голодающимъ крестьянамъ.

Другая была Ек. Ив. Б., пріѣхавшая сама принять участіе въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Она должна была отправиться за 35 верстъ отъ насъ, въ Тульскую губ., куда приглашала ее одна помѣщица, кажется, дальняя ея родственница, и предлагала поселиться у нея въ домѣ. Пока она помѣстилась въ одной со мной комнатѣ и, увидѣвъ, что я больна, немедленно же принялась заботиться обо мнѣ. Такъ какъ я не могла никуда выходить, то и она оставалась со мной въ комнатѣ и читала мнѣ вслухъ; а я въ жару лежала на диванѣ.

Разъ, когда я такъ лежала, въ комнату вошелъ Левъ Ник. Я поторопилась подняться, но Левъ Ник. сказалъ, что если я встану, то онъ сейчасъ же уйдетъ изъ комнаты. Я осталась лежать, а онъ сѣлъ рядомъ въ кресло, и мы всѣ втроемъ долго разговаривали. Съ этихъ поръ, онъ часто заходилъ къ намъ поболтать, и я уже не дѣлала попытки вставать.

Предполагалось, что я поѣду съ Ек. Ив. и помогу ей устроить въ ея районѣ складъ и столовые. Но температура у меня все держалась высокая, и ѣхать такъ далеко было рискованно, тѣмъ болѣе, что стояли сильные морозы. Разъ, вечеромъ, я слышу, что Левъ Ник. говоритъ Маріи Львовнѣ, что дѣлать нечего,—такъ какъ я все не поправляюсь, то, вмѣсто меня, придется ѣхать ей. Я непременно рѣшила поправиться на другой же день и стала скрывать свою температуру. Рѣшено было, что мнѣ уже можно ѣхать.

Наканунъ вечеромъ я показала Ек. Ив. и Стадлингу столовые въ Бѣгичевкѣ. Столовые имѣли такой уютный видъ. Хлѣбъ былъ такой хорошій, и насъ такъ привѣтливо встрѣтили, что все имъ ужасно понравилось.

Стадлингъ оставался у насъ послѣ около двухъ недѣль въ Бѣгичевкѣ и пришелся по душѣ всѣмъ сотрудникамъ. Положеніе нашего крестьянства произвело на него сильное впечатлѣніе. Еще по дорогѣ къ намъ со станціи, при видѣ нашихъ безконечныхъ, пустынныхъ полей, онъ съ изумленіемъ спрашивалъ свою спутницу:—а гдѣ же работники этихъ полей? Потомъ онъ, не зная ни слова по-русски, уѣхалъ въ Самарскую губернію, гдѣ тогда свирѣпствовалъ голодный тифъ, и принялъ самое горячее участіе въ уходѣ за больными.

Но всѣхъ нашихъ окрестныхъ крестьянъ онъ порядочно напугалъ. Благодаря агитаціи мѣстнаго духовенства противъ Льва Ник., они жили все время въ ожиданіи пришествія антихриста, который будетъ ихъ соблазнять и накладывать свои печати. Стадлингъ ходилъ въ лапландскомъ костюмѣ, мѣхомъ вверхъ, что придавало ему не совсѣмъ обычный видъ. Говорить по-русски онъ не умѣлъ и, кромѣ того, у него былъ маленькій фотографическій аппаратъ, которымъ онъ дѣлалъ снимки съ заинтересовавшихъ его типовъ и группъ крестьянъ. Результатомъ всего этого было то, что населеніе приняло его за антихриста и, когда я послѣ пріѣхала въ тѣ деревни, которыя онъ посѣтилъ, мнѣ тамъ рассказывали, какъ у нихъ былъ антихристъ и накладывалъ свою печать. Посмотрить пристально на кого-нибудь и щелкнуть своей печатью.—А потомъ,—добавляли они,—всѣхъ кого онъ припечаталъ, назначить къ выселенію. И мы теперь ужъ и не знаемъ, что дѣлать.

Почему,—назначать къ выселенію,—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Къ счастью, Стадлингъ никогда не ѣздилъ одинъ, и потому болѣе серьезныхъ недоразумѣній у него съ крестьянами не произошло.

— — — — —

На другой день послѣ посѣщенія столовыхъ мы собрались въ путь. Съ нами сѣлъ въ сани и Левъ Ник., которому нужно было проѣхать по дорогѣ съ нами верстъ 18. Въ саняхъ лежалъ еще багажъ Ек. Ив., и мѣста старику совсѣмъ не было. Онъ то становился къ намъ на запятки, то садился внутрь саней на корзинку и все боялся задеть меня. Ему было ужасно неудобно, но когда я предложила ему сѣсть на мое мѣсто, то онъ даже разсердился. Наконецъ, мы пріѣхали къ мѣсту нашего назначенія. Подѣхали къ дому и вошли въ переднюю. Изъ передней дверь вела въ залу съ блестящимъ паркетнымъ поломъ, огромными зеркалами и т. д. Тутъ только мы замѣтили, что совсѣмъ не подходили къ этой нарядной обстановкѣ. Даже и Ек. Ив. успѣла уже измѣнить свой городской видъ. А я совсѣмъ и забыла думать о своемъ туалетѣ. Насъ это сильно разсмѣшило.

Было уже около двухъ часовъ, а хозяйка только еще вставала. Наконецъ, и она вышла къ намъ, нарядная, изящная. Вся ея внѣшность слишкомъ рѣзко отличалась отъ всего, что до сихъ поръ окружало насъ въ обстановкѣ горя и нужды. Встрѣтила она насъ очень любезно и пригласила къ завтраку. За завтракомъ мы познакомились съ дочками хо-

зайки, двумя маленькими дѣвочками, 8 и 9 лѣтъ. На рукахъ этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ было домашнее хозяйство, и они уже разбирались въ какихъ-то денежныхъ расчетахъ и спорили съ прислугой.

Мы, разумѣется, въ тотъ же день принялись за дѣло. Въ устройствѣ склада и закупкѣ провіанта намъ большія услуги оказалъ одинъ изъ практикантовъ Стебута, имѣніе котораго было неподалеку. Самый складъ устраивался въ имѣніи князя Голицына. Для разъѣздовъ хозяйка наша предоставила намъ сани и лошадь съ подросткомъ-кучеромъ, одѣтымъ въ нѣсколько маскарадный костюмъ,—въ какую-то боярскую шапку съ краснымъ верхомъ и въ армякъ съ краснымъ кушакомъ.

Наконецъ, и въ этомъ пунктѣ стали одна за другой открываться столовые. Населеніе здѣсь сильно пострадало отъ неурожая и было чрезвычайно разорено. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находились крестьяне около крупныхъ имѣній. Въ этой мѣстности, кажется, было устроено около десяти столовыхъ.

Черезъ нѣсколько дней я собралась въ обратный путь. Грустно мнѣ было прощаться съ Ек. Ив., съ которой я такъ свыклась въ короткое время нашего знакомства, но дѣлать было нечего. Наша любезная хозяйка поѣхала проводить меня до Андреевки, т. е. почти до половины пути. Дѣвочки дали мнѣ какой-то хлѣбецъ для Льва Никол. и перевязали его хорошенькой ленточкой, а для меня положили въ корзинку яблокъ и апельсиновъ.

Домой я, все-таки, была очень рада пріѣхать. Встрѣтили меня, какъ всегда, чрезвычайно ласково. Левъ Ник. спросилъ, шутя:

— А васъ, навѣрное, тамъ трупами кормили?

Кормили насъ, дѣйствительно, индѣйками и цыплятами. Онъ пришелъ, положительно, въ ужасъ, когда я ему рассказала о хозяйственной дѣятельности маленькихъ дѣвочекъ и все потомъ повторялъ:— но, вѣдь, это ужасно? Бѣдныя дѣвочки!

Глава XII.

Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Расширеніе нашей дѣятельности.

И снова жизнь у насъ пошла попрежнему; только на мельницу я уже больше не возвращалась, потому что въ главномъ домѣ было много работы. Этотъ періодъ былъ періодомъ особенно усиленной нашей дѣятельности. Къ

концу зимы все больше и больше требовалось расширять помощь населенію, и мы имѣли полную на это возможность. Деньги и всевозможныя пожертвованія приходили съ каждой почтой. Почта получалась два раза въ недѣлю, и разборъ почты представлялъ для насъ всегда большой интересъ. Почта связывала насъ буквально со всѣмъ міромъ. Письма стекались отовсюду, со всѣхъ концовъ свѣта.

Сначала разборка ихъ лежала на одной Маріи Львовнѣ и на Татьянѣ Львовнѣ, когда она бывала у насъ; а потомъ въ этомъ дѣлѣ стала принимать участіе и я. Большой частью гутъ же присутствовалъ и самъ Левъ Ник., а также и почти всѣ, кто былъ въ домѣ. Почти всякую почту приходили и деньги на помощь голодающимъ. Часть писемъ Левъ Ник. бралъ себѣ, для того чтобы отвѣтить лично. На другія же письма, особенно на письма дѣлового характера,—объ устройствѣ столовыхъ, о положеніи населенія въ нашихъ краяхъ,—писали отвѣты Марія Львовна, Татьяна Львовна, а потомъ и я. Левъ Ник. всегда ихъ прочитывалъ, добавлялъ что-нибудь, если находилъ нужнымъ и подписывалъ. Часть писемъ, на которыя, вообще, не предполагалось отвѣчать, съ соотвѣтствующей помѣткой, складывалась отдѣльно.

Изъ-за границы приходили иногда отчаянные письма. Такъ, въ одномъ письмѣ съ острова Мальты былъ запросъ, правда ли, что у насъ люди падаютъ на улицахъ мертвыми отъ голода. На это Левъ Ник. ясно и подробно писалъ, что отъ голода на улицахъ не падаютъ, но что неурожай сильно повысилъ смертность въ деревняхъ, истощилъ и разорилъ населеніе и развилъ болѣзни.

Много присылалось запросовъ объ устройствѣ столовыхъ, объ организаціи борьбы съ голодомъ. Но очень много приходило также и самыхъ интересныхъ для Льва Николаевича писемъ, на которыя онъ всегда очень обстоятельно и очень подробно отвѣчалъ,—письма о смыслѣ жизни, о тѣхъ или другихъ духовныхъ запросахъ, требовавшихъ себѣ отвѣты, о разрѣшеніи разныхъ сомнѣній. Ни одно письмо не проходило безъ вниманія и безъ должной оцѣнки. Особенно радовали Льва Ник. изрѣдка приходящія вѣсти о томъ, что тамъ или тутъ кто-нибудь отказался отъ исполненія воинской повинности. Въ такихъ случаяхъ онъ часто повторялъ: «Видите, ледъ уже подтаялъ, онъ скоро прломится окончательно, и хлынуть цѣлые потоки воды».

Съ увеличеніемъ работы, увеличилось у насъ и число работниковъ. Пріѣхало много новыхъ людей,—пріѣхали три брата А., В. Сл., Д., Е. С., Т., К. В. и др. Всѣ рассели-

лись въ разныхъ пунктахъ, но кое-кто остался и въ «главномъ штабѣ, какъ мы называли Бѣгичевскій домъ.

Теперь Бѣгичевскій домъ былъ полонъ. Съ утра, впрочемъ, попрежнему, всѣ разъѣзжались. Помимо постоянной, текущей работы, мы теперь усиленно открывали все новыя и новыя столовыя. Отъ разныхъ селъ и деревень являлись цѣлыя депутаціи съ просьбой поддержать ихъ до новаго хлѣба. Даже сравнительно достаточныя селенія совершенно разорились къ веснѣ.

Такъ, я разъ поѣхалъ открыть столовую въ Спѣшневъ. Эта деревня выдѣлялась среди прочихъ своей многоземельностью. Земля у спѣшенцевъ была дарственная. Жили они раньше довольно хорошо, хотя тамъ больше, чѣмъ, гдѣ-либо произошло разслоеніе крестьянъ,—на богачей, тѣмъ или инымъ способомъ, захватившихъ земли въ свои руки, и на бѣдняковъ, давно уже утратившихъ всякія права на свою землю. И въ столовую попали такіе бѣдняки, какихъ не часто можно было встрѣтить въ другихъ деревняхъ.

Такъ, обходя, по обыкновенію, вмѣстѣ со старостой всѣ дворы, мы подошли къ маленькой хаткѣ, съ раскрытой, конечно, крышей. Попробовали отворить дверь во дворъ,—не отворяется.—«Прямо живая могила»,—говорятъ крестьяне. Весь дворъ черезъ раскрытую крышу засыпало сугробами снѣга, и въ хату нельзя было войти, ни выйти изъ нея. Пришлось нѣкоторымъ перелѣзть черезъ стѣну раскрытаго двора и изнутри его уже откопать засыпанную снѣгомъ дверь. Наконецъ, мы вошли въ хату. Въ хатѣ было такъ холодно, что густой паръ стоялъ отъ дыханія. Въ первую минуту мы никого не видѣли; но затѣмъ съ печки стали выглядывать удивленные дѣтскія головки, а за ними показалась молодая еще, но страшно истощенная женщина.

— Чья же это хата,—спросила я, ища глазами хозяина.

— А это—нашъ первый богачъ на деревнѣ,—у него 21 десятина земли,—улыбаясь, говорили крестьяне.

Оказалось, что хозяинъ пропалъ куда-то безъ вѣсти, оставивъ жену съ четырьмя крошечными дѣтьми. Земли у него, дѣйствительно считалось много, но вся она была куда-то отдана, или продана, такъ что, какъ говорили крестьяне, «онъ и самъ-то не знаетъ, гдѣ она у него и есть».

Хлѣба въ хатѣ оставалось половина коровая, лежавшаго подъ образами, и больше въ хатѣ не было абсолютно никакихъ запасовъ.

Въ Спѣшневъ нашлось еще нѣсколько такихъ же обѣднѣвшихъ семей. Мы находили людей не только на печкахъ,

но даже и въ самыхъ печкахъ, куда они забирались отъ холода.

Другой разъ пришли къ намъ крестьяне изъ деревни Осиновой горы, гдѣ прежде тоже жили хорошо. Левъ Нак. попросилъ меня съѣздить туда и открыть тамъ столовую. Я поѣхала въ сильную оттепель, и кромѣ того шелъ проливной дождь. Осиновая гора этимъ лѣтомъ только что погорѣла. Крестьяне успѣли уже выстроить себѣ, съ чьей-то помощью, просторныя, кирпичныя избы, но покрыть ихъ соломой имъ не удалось. Поэтому, почти во всѣхъ хатахъ сквозь крыши лилъ дождь. Крестьянскія семьи ютились по нѣскольку вмѣстѣ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были посуше. Грустный, печальный видъ имѣла деревня. Но, все-таки, здѣсь требовалось больше временная поддержка до лучшихъ временъ.

Такъ, все дальше и дальше двигались мы со своими столовыми, при чемъ число ихъ, въ концѣ концовъ, дошло, кажется, до 200. Работа шла интенсивно.

Глава XIII.

Какъ жилъ и работалъ Левъ Николаевичъ въ Бѣгичевкѣ.

Окончивъ дневную работу, всѣ мы, кто оставался въ Бѣгичевкѣ, собирались теперь по вечерамъ вмѣстѣ, дѣлились своими впечатлѣніями, распредѣляли приблизительно, работу на слѣдующій день и намѣчали планы тѣхъ или другихъ мѣропріятій. Нерѣдко, Левъ Ник. садился играть въ шашки со старикомъ-поваромъ въ маленькой буфетной, расположенной около столовой, гдѣ мы проводили большую часть своего времени дома. Въ эту маленькую комнатку собирались и другіе служащіе Бѣгичевской усадьбы, а также и мы всѣ, кто былъ свободенъ.

Левъ Ник. шутилъ, кто-нибудь рассказывалъ анекдоты, а подчасъ велись и очень серьезныя бесѣды. Иногда же Левъ Ник. читалъ намъ что-нибудь вслухъ изъ новыхъ журналовъ. Это мы всѣ очень любили, потому что чтеніе всегда вызывало много разговоровъ и споровъ.

По воскресеньямъ, въ Бѣгичевкѣ теперь собирались, обыкновенно, всѣ сотрудники, но и въ теченіе недѣли нерѣдко пріѣзжалъ то тотъ, то другой. Благодаря тому, что въ этотъ отдаленный уголокъ Рязанской губ. съѣхалось теперь много сторонниковъ ученія Льва Ник. и нѣкоторые изъ нихъ, какъ М. А. Новоселовъ и А. В. Алехинъ, начали уже расходиться съ нимъ, то часто вечера посвящались теперь не

практическимъ вопросамъ нашей непосредственной дѣятельности, а самымъ серьезнымъ и основнымъ вопросамъ жизни, при чемъ бесѣды носили интимный характеръ бесѣды учителя со своими учениками. Нѣкоторое обостреніе отношеній между ними началось только весной.

Въ это время до насъ дошли слухи, что одно интервью со Львомъ Ник., напечатанное въ Times англійскимъ корреспондентомъ Диллономъ и переведенное «Московскими Вѣдомостями» съ своими комментаріями, навлекло большую грозу на Льва Ник. Мы ждали тогда обыска, высылки и даже ареста Льва Ник. Говорили, что былъ даже составленъ проектъ о заточеніи Льва Ник. съ Суздальскій монастырь. Самъ Левъ Ник. все время оставался совершенно спокойнымъ. Софья Андреевна поѣхала въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы отвести грозу. Въ концѣ концовъ, благодаря стараніямъ тетки Льва Ник. Александры Андреевны Толстой, все окончилось благополучно.

Левъ Ник. въ то время усиленно работалъ надъ своимъ трудомъ «Царство Божіе внутри васъ». Много разъ онъ думалъ, что уже кончилъ его, но затѣмъ опять и опять перерабатывалъ отдѣльныя главы. Совершенно закончилъ его только черезъ два года. Теперь онъ намъ прочитывалъ вслухъ эти главы, наблюдалъ за произведеннымъ впечатлѣніемъ, выслушивалъ возраженія. Между прочимъ, онъ ужасно былъ возмущенъ рѣчью императора Вильгельма, кажется, къ новобранцамъ, гдѣ тотъ говорилъ, что они должны повиноваться своимъ начальникамъ, даже если ихъ заставляютъ стрѣлять въ отца родного.

— Да, для своихъ цѣлей, они заставляютъ молодежь и въ отца родного стрѣлять,—говорилъ онъ.—Но какъ онъ мнѣ помогъ для моей статьи! Я за это готовъ Вильгельму свѣчку пудовую поставить!—добавлялъ онъ шутя.

«Царствіе Божіе» онъ писалъ далеко не такъ жизнерадостно, какъ работалъ надъ другими, болѣе мелкими вещами. Очевидно, оно стоило ему огромнаго напряженія. Иногда, послѣ полученныхъ отъ друзей писемъ, гдѣ они, кажется, дѣлали ему возраженія за излишнюю рѣзкость онъ говорилъ съ какимъ-то отчаяніемъ:

— Ну, я—плохой хрістіанинъ. Они правы. Но я не могу больше измѣнять, не могу написать иначе, потому что такъ оно есть.

Работалъ, Левъ Ник. обыкновенно такъ: самая простая писчая бумага складывалась въ четверть листа, и заботливая Марья Львовна наблюдала, чтобы она лежала у него на столѣ всегда въ достаточномъ количествѣ. Левъ Ник. испи-

сывалъ нѣсколько такихъ листковъ своимъ тонкимъ, крупнымъ почеркомъ и передавалъ Маріи Львовнѣ для переписки. Переписанные листы клались ему опять на столъ. Онъ перерабатывалъ ихъ, исправлялъ, добавлялъ и затѣмъ это снова переписывалось. И такъ повторялось много разъ, пока Левъ Ник. не оставался, наконецъ, доволенъ и шелъ дальше. Но и въ корректурахъ то же продолжались значительныя исправленія.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда мы оставались одни, мнѣ тоже захотѣлось принять участіе въ этой работѣ, и я попросила дать мнѣ тоже переписывать. Марья Львовна на это только разсмѣялась:

— Ну, Вѣрочка, почеркъ-то у тебя такой, что курица лучше напишетъ. Папа ничего не пойметъ.

Въ это время, въ комнату вошелъ Левъ Николаевичъ.

— Въ чемъ у васъ дѣло? О чемъ вы здѣсь толкуете?

— Да вотъ, Вѣрочка проситъ переписывать твои работы, — съ ея-то почеркомъ!...

— Ну, что жъ, я очень радъ. Я прекрасно понимаю ея почеркъ, онъ очень разборчивый...

Почеркъ у меня, на самомъ дѣлѣ, отвратительный, но я все-таки, не могла удержаться послѣ, чтобы не сказать Маріи Львовнѣ:—Видишь, Маша, я говорила тебѣ, что онъ понимаетъ мой почеркъ...

— Ну, это онъ только для тебя говорить...

Такъ я съ тѣхъ поръ и стала всякую свободную минуту переписывать работы Льва Николаевича.

Глава XIV.

Отношенія съ крестьянами.

Къ самому дѣлу кормленія крестьянъ Левъ Николаевичъ и всѣ его сторонники давно уже отнеслись отрицательно. Какъ кормить того, кто самъ добываетъ то, чѣмъ мы его собираемся кормить, кто самъ всегда кормитъ насъ своимъ трудомъ? Левъ Ник. страшно тяготился такимъ своимъ положеніемъ какого-то мѣшка съ деньгами, который можетъ, по своей волѣ дать и не дать. «Единственно вѣрное средство помочь голодающимъ,—говорилъ онъ,—это самимъ слѣзть съ ихъ шеи». Отношенія съ населеніемъ были чрезвычайно ненормальны, и Льва Никол. глубоко огорчали низкопоклонство и неискренность тѣхъ, кому приходилось помогать. Ему, конечно, было ясно, что иначе не могло и быть при такомъ ненормальномъ положеніи; но все-таки ему было

тяжело. Ненавистное «Ваше сіятельство» преслѣдовало его всюду, куда бы онъ ни поѣхалъ, а ѣздить онъ любилъ. Изъ Ясной Поляны привезли его любимую лошадь Мухортаго, и онъ часто ѣздилъ верхомъ и на далекія разстоянія. Его глубоко радовало, когда ему удавалось побывать гдѣ-нибудь инкогнито, гдѣ онъ, вмѣсто постоянного «Ваше сіятельство», слышалъ простое «Дѣдушка». Любилъ онъ такъ неузнаннымъ поговорить о жизни со стариками, выслушать, что и какъ они думаютъ, и высказать свои взгляды.

Однажды, онъ пріѣзжаетъ къ намъ, веселый и радостный. Оказывается, что онъ ѣздилъ куда-то далеко, гдѣ его не знали въ лицо, и когда онъ зашелъ отдохнуть въ одну изъ хатъ, его приняли какъ своего брата и угостили похлебкой. Тамъ ему удалось и поговорить просто, по душѣ. Но, разумѣется, угощеніе похлебкой никогда не проходило даромъ для его здоровья.

Очень любилъ онъ также поговорить съ дѣтьми, и одинъ разъ рассказалъ намъ, что какая-то двухлѣтняя дѣвочка посмотрѣла на него такимъ яснымъ, невиннымъ взглядомъ, какъ-будто «все небо отразилось въ ея глазахъ».—«Болѣе старшій ребенокъ, даже лѣтъ пяти, не можетъ уже такъ смотрѣть»,—добавилъ онъ.

Левъ Николаевичъ съ самымъ глубокимъ вниманіемъ изучалъ положеніе населенія. Въ своихъ статьяхъ онъ приводитъ цифры, указывающія на огромное повышеніе смертности въ голодающихъ губерніяхъ, говоритъ о пассивности и подавленности населенія.

Благотворительная дѣятельность не можетъ поднять ни его благосостоянія, ни его личной инициативы. Напротивъ, «чѣмъ больше давать, тѣмъ меньше народъ будетъ самъ работать, а чѣмъ меньше онъ будетъ работать, тѣмъ больше увеличится его нужда»,—пишетъ онъ.—«А не помогать нельзя»,—говоритъ онъ дальше...

«Какже ждать, когда мрутъ съ голоду? Вѣдь, въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба до ноября и гдѣ,—по лѣни ли, заблужденію, чему бы то ни было,—мужики говорятъ, что нѣтъ работы и не работаютъ, черезъ недѣлю наступитъ, несомнѣнно, настоящій голодъ для женщинъ, для старыхъ и малыхъ, да и для самыхъ, можетъ быть, и лѣнивыхъ, и обманувшихся, но живыхъ людей. Очевидно, нельзя не выдавать; но если выдавать, то какъ же давать, кому давать?»

Такъ писалъ онъ въ январѣ 1892 года, въ своей статьѣ «Помощь голоднымъ» *), такъ интенсивно думалъ онъ

*) Л. Н. Толстой, „Голодъ“, изд. „Посредника“.

надъ этими вопросами, стремясь, какъ можно правильнѣе, распредѣлить среди цѣлаго моря нуждающихся тѣ сравнительно небольшія суммы денегъ, которыя притекали къ нему, распредѣлить такъ, чтобы онѣ, дѣйствительно, сколько-нибудь поддержали населеніе отъ окончательнаго упадка духа.

Для этой цѣли Левъ Ник. придумалъ составлять подробные, подворные списки тѣхъ селъ и деревень, куда мы входили съ нашими столовыми,—списки членовъ каждой семьи, всего скота, хозяйственныхъ запасовъ и всего остального имущества. Левъ Ник. считалъ, что такіе списки, помимо нашей временной потребности въ нихъ для распредѣленія пособій, могутъ потомъ послужить и матеріаломъ для статистики.

— «Вся остальная статистика собирается не безъ вліянія администраціи,—говорилъ онъ,—и населеніе нерѣдко скрываетъ отъ нея свое состояніе, или даетъ невѣрныя свѣдѣнія. Наши же цифры составляютъ при подробномъ изученіи деревни и лицами, не имѣющими никакого отношенія къ властямъ, и потому наша статистика можетъ быть вѣрнѣе».

Мы много работали надъ этой статистикой и собрали массу матеріала, но кажется, онъ такъ ни на что и не пригодился. Только для насъ самихъ списки эти имѣли большое значеніе, потому что они давали самое подробное описаніе той или другой деревни.

Левъ Ник. самъ лично много сдѣлалъ для этого выясненія положенія населенія. Списки составлялись по его плану, и онъ самъ обошелъ изъ хаты въ хату не мало деревень. Главное веденіе и разработка этой статистики, поскольку она, вообще, разрабатывалась, лежали, кажется, на Татьянѣ Львовнѣ. Но надъ самымъ собираніемъ свѣдѣній не мало работала и Марья Львовна съ тѣмъ свойственнымъ ей сердечнымъ участіемъ и съ той серьезностью, съ какой она принималась за всякое дѣло. Марью Львовну ничто никогда не могло остановить, разъ она видѣла, что требовалась ея работа или ея помощь. И крестьяне звали ее, молодую, двадцатилѣтнюю дѣвушку во всякую тяжелую минуту. Помимо дѣла помощи голодающимъ она постоянно еще занималась медициной. Сколько однѣхъ бѣдъ было съ курными хатами. Отоплялись онѣ плохо, трубъ не было, а крестьяне берегли тепло и мало впускали свѣжаго, морознаго воздуха. Отъ этого, сплошь и рядомъ, они страшно угорали. Я помню въ самомъ началѣ нашей совмѣстной работы одинъ случай, какъ къ Маріи Львовнѣ прибѣжали изъ деревни съ

крикомъ. что пять человѣкъ лежатъ замертво отъ угара. Не теряя ни минуты и захвативъ съ собой все необходимое, она побѣжала въ деревню. Я послѣдовала за ней. И дѣйствительно, пять человѣкъ лежало безъ сознанія все въ той же хатѣ, гдѣ они угорѣли. Даже не догадались растворить дверей. Марія Львовна распорядилась немедленно же вынести больныхъ на воздухъ. Я тоже понесла дѣвочку лѣтъ восьми. Было какъ-то жутко нести полумертвое тѣло, не зная, будетъ ли оно снова жить и дышать, или нѣтъ. И когда дѣвочка вдругъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ прижалась ко мнѣ, то меня охватило такое радостное чувство, что я не замѣчала даже тяжести своей ноши.

И жизнь, въ концѣ концовъ, показала, что несмотря на всю ненормальность отношеній, населеніе все-таки сумѣло оцѣнить Толстыхъ и увидѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ мѣшокъ съ деньгами. Когда весной рознеслись слухи, что Льва Николаевича хотятъ арестовать, и тутъ какъ разъ появилась въ нашихъ краяхъ экспедиція генерала Анненкова, организовывавшаго общественныя работы, то крестьяне рѣшили, что онъ-то и пріѣхалъ арестовать Л. Толстого. И кругомъ Бѣгичевского дома собрались цѣлыя толпы народа,—они рѣшили, во что бы то ни стало, не выдавать Льва Ник., такъ что ихъ съ трудомъ удалось успокоить. Когда Левъ Николаевичъ уѣзжалъ послѣ сбора новаго урожая, населеніе такъ трогательно прощалось съ нимъ и провожало его, что онъ и самъ могъ убѣдиться, какъ сумѣли крестьяне оцѣнить его труды и заботы о нихъ.

Глава XV.

Ученики Л. Н. Толстого.

На шестой недѣлѣ Великаго поста, Толстые уѣхали на время половодья въ Москву, и я снова вернулась на свою мельницу. Но и тамъ работы стало много меньше. Ѣздить становилось все труднѣе. Постоянная моя дорога, рѣчка Рыхотка, стала не совсѣмъ безопасна. Сверху льда собиралось столько воды, что мы чуть не зачерпывали въ сани. Ѣздить одной теперь было непріятно, и Вася былъ моимъ постояннымъ спутникомъ.

Потомъ пошли дожди; ледъ настолько растрескался, что можно было только осторожно ходить пѣшкомъ, а подо льдомъ шумѣла вода и говорила о наступающей веснѣ. Жизнь просыпалась и разбивала ледяныя оковы; просыпались и надежды и всѣ бодрѣе смотрѣли впередъ.

Наконецъ, быстрая рѣчка взбунтовалась и прорвала плотину на мельницѣ. Помогать моимъ хозяевамъ сбѣжалось все село. Помогали, разумѣется, за «угощеніе», что меня глубоко огорчило. Но на мои упреки мельникъ сказалъ мнѣ, что за деньги никто не пришелъ бы помочь, а дѣло нужно сдѣлать скоро.

На время, пока установятся пути, пришлось окончательно засѣсть дома. Всѣ лощины наполнились водой и, сплошь и рядомъ, нельзя было попасть изъ одной деревни въ сосѣднюю. Мельница же осталась внѣ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Я собиралась на Святой, недѣли на двѣ, домой и очень боялась, что до тѣхъ поръ пути не установятся.

Въ такомъ одиночествѣ я засѣла за чтеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за передумываніе того, что мнѣ пришлось слышать и видѣть за послѣдніе мѣсяцы. Просматривая мои тогдашнія записки и письма, я вижу, какъ я упорно боролась съ окружающимъ меня со всѣхъ сторонъ толстовскимъ теченіемъ, какъ я неизмѣнно возражала на всѣ основныя положенія Льва Ник. и отстаивала свою точку зрѣнія. Это особенно рѣзко проявилось раньше въ моихъ личныхъ разговорахъ со Львомъ Ник. Оставшись же въ полномъ одиночествѣ, только со своими мыслями, я стала нерѣдко ловить себя на «уступкахъ спиритуализму», какъ я выражалась. Но, что нельзя было сдѣлать логическими разсужденіями, то оказалось возможнымъ для простой вѣры. «Надо просто повѣрить»,—говорили мнѣ ученики Льва Ник. Но это долго не давалось мнѣ. Занятая всегда умственной работой, я разучилась вѣрить. Именно это долгое время нѣсколько отдѣляло меня отъ всѣхъ моихъ сотрудниковъ по работѣ. Впрочемъ, вопросъ былъ не въ одной вѣрѣ,—сама жизнь все больше и больше увлекала меня именно въ ту сторону. Въ общественной жизни тогда были глухія времена, я ничего не знала ни о какихъ движеніяхъ, а движеніе толстовское, все-таки, выводило изъ повседневной, обывательской жизни, выдвигало идеалы и указывало опредѣленные цѣли.

Въ голодающія деревни ко Льву Ник. съѣхались тогда многіе его ученики, жившіе раньше въ общинахъ. Но къ тому времени общины какъ разъ распались, и ихъ участники стояли на перепутьи. Послѣ этого поворотнаго года они пошли уже новыми, но совершенно различными путями. Изъ этого ясно, что въ этихъ глухихъ краяхъ Рязанской губерніи энергично работала мысль, провѣрялись прежніе опыты, создавались новыя вѣрованія. И все это обсуждалось и развивалось при помощи Льва Ник. и безъ него, на глазахъ насъ, молодежи, которая готова была, какъ губка, впиты-

вать въ себя новыя, невѣдомыя ей мысли и самую жизнь. И во вторую половину нашей совмѣстной дѣятельности въ голодающемъ районѣ эта умственная работа захватила насъ всѣхъ тѣмъ болѣе, что практическая наша дѣятельность давно уже наладилась и шла по выработанному плану.

Въ семьѣ Толстыхъ сторонники Льва Ник. носили кличку «темные». Окрестила ихъ такъ Софья Андреевна. Когда въ кабинетъ Льва Ник. приходили никому неизвѣстные, плохо одѣтые люди, желавшіе потолковать со Львомъ Никол.; они не приглашались къ семейному, чайному столу, и если кто-нибудь изъ знакомыхъ Толстыхъ спрашивалъ у Софьи Андреевны, что это за люди, то она просто отвѣчала: это — темные. Въ этомъ году кличка эта приобрѣла совсѣмъ особенное, высокое значеніе. Мы, молодежь, подхватили ее и придали ей глубокой, внутренней смыслъ. Всѣхъ послѣдователей Льва Ник. мы раздѣлили на «темныхъ» и «свѣтлыхъ». «Темные» — это тѣ, которые проводятъ въ жизни ученіе Льва Ник., то есть тѣ, кто отказался отъ всѣхъ благъ и преимуществъ своего положенія и живутъ только трудами рукъ своихъ. А «свѣтлые» были тѣ, кто теоритически раздѣлялъ взгляды Льва Ник., а въ своей жизни не проводили и продолжали жить обычной, буржуазной жизнью, хотя и измѣнились къ лучшему. Быть «темнымъ», сдѣлалось для насъ идеаломъ, къ которому мы стремились, и съ тѣхъ поръ слово «темный» получило опредѣленный, внутренней смыслъ. Одинъ разъ, гораздо позже, лѣтомъ, какъ-то Татьяна Львовна, съ которой я тогда уже сблизилась гораздо тѣснѣе и какъ-то сразу, какъ это бываетъ только въ молодости, излагала мнѣ свои взгляды. Я съ удивленіемъ замѣтила ей: «Да ты говоришь совсѣмъ, какъ темная» — «Да, я — темная въ кружевахъ, развѣ ты этого не знала?» — отвѣтила она мнѣ.

И тогда еще молоды были первые ученики Л. Н. Толстого. Въ пору общественнаго безвременья они представляли собой живой, протестующій элементъ, полный, можетъ быть, несбыточныхъ мечтаній о царствѣ Божіемъ, объ Іерусалимѣ небесномъ и самой мистической вѣры. Когда разъ нашъ мѣстный докторъ спросилъ у А. Ал., что бы онъ выбралъ: «тьмы низкихъ истинъ» или «насъ возвышающій обманъ», — тотъ, не колеблясь, отвѣтилъ: «насъ возвышающій обманъ». М. А. и Е. Сухачевъ, тихій и кроткій человекъ, застрѣлившійся впоследствии въ Канадѣ, говорили о физическомъ безсмертіи, которое существуетъ для тѣхъ, кто вѣритъ въ него. М. А. видѣлъ разные пророческіе сны и невольно заражалъ силой своего мистицизма.

И волей-неволей являлось страстное желаніе отказаться отъ всѣхъ своихъ логическихъ выводовъ и погрузиться самой въ это море вѣры, и итти къ чему-то невѣдомому, но зовущему къ жизни, вмѣстѣ съ тѣми, кто жертвовалъ, какъ намъ казалось, всѣмъ ради того, что они считали истинной,—хотѣлось порвать всѣ связи съ своей прежней, блѣдной жизнью.

Обстоятельства благопріятствовали нашему болѣе тѣсному общенію. Очевидно было, что дороги не пустятъ меня домой къ празднику, оставаться одной на мельницѣ безъ дѣла не хотѣлось, и я рѣшила поѣхать на время половодья въ «главный штабъ», въ Бѣгичевку. Та же мысль явилась и у другихъ товарищей, и къ Святой всѣ съѣхались въ усадьбѣ Раевскихъ. Здѣсь мы были отдѣлены отъ остального міра разлившимися рѣками и могли только ѣздить въ сосѣднее имѣніе Паники.

Дѣловые разговоры о нашей повседневной работѣ поневолѣ прекратились, и мы цѣликомъ ушли въ міръ отвлеченныхъ идей и плановъ на будущее. Здѣсь учениками Льва Ник. поднять былъ знаменитый разговоръ объ «уходѣ», который послѣ не разъ поднимался и со Львомъ Ник. Нужно отречься отъ себя, оставить семью, занятія, все «мірское», какъ они выражались, все личное, что привязываетъ насъ къ земной жизни, и итти къ народу, дѣлать его страданія и трудовую жизнь, проповѣдовать наступленіе царства Божія на землѣ и, по ихъ образному выраженію, искать «Іерусалима небеснаго», то есть добиваться царства правды и любви на землѣ. Это тяжело и серьезно обсуждалось тѣми, у кого были семьи. Мы же, молодежь, готовы были итти, куда угодно. Съ этимъ рѣшеніемъ хотѣла я ѣхать въ Москву, только стануть дороги, и получить согласіе моей матери. А пока что, мы рѣшили устроить въ Бѣгичевкѣ какое-нибудь подобіе праздника.

Снѣгъ уже стаивалъ на поляхъ, изъ-подъ него показалась прошлогодняя травка. Она быстро обсохла подъ горячими лучами солнца, но отъ земли шелъ паръ, точно она медленно просыпалась и глубоко дышала. На Дону сразу тронулся ледъ, и огромныя льдины быстро неслись рѣкой, шумно ломаясь и нагромождаясь другъ на друга.

Наконецъ, главный ледъ прошелъ, и я рѣшилась перебраться черезъ Донъ, на другую сторону, гдѣ были лавки, чтобы купить кое-что къ празднику, а то мы сидѣли впроголодь. День былъ ясный, теплый, и мы переправились на лодкѣ, отталкиваясь веслами отъ льдинъ. Берега были всѣ загромождены огромными льдинами.

Но въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье переправиться уже было нельзя,—рѣчки широко разлились. Мы съ Еленой Мих. слушали изъ усадьбы звонъ колоколовъ ближайшей церкви, и намъ невольно взгрустнулось по родному дому и по родной семьѣ.

Но время невольнаго отдыха, впрочемъ, скоро миновало, и всѣ разѣхались по своимъ пунктамъ на прежнюю работу; а я уѣхала недѣли на двѣ домой.

Глава XVI.

Поѣздка въ Москву и начала весеннихъ работъ.

Въ Москвѣ Толстые встрѣтили меня чрезвычайно радушно, но не мало шутили надъ моимъ приподнятымъ настроеніемъ, что, впрочемъ, нисколько не смущало меня. И за чайнымъ столомъ въ ихъ столовой, полной незнакомаго мнѣ народу, я рассказывала о всей нашей жизни и работѣ, о впечатлѣніяхъ наступающей весны и о нашихъ разговорахъ объ уходѣ для поисковъ «Іерусалима небеснаго». Тутъ были, насколько я помню, покойный профессоръ П. Я. Гротъ, художникъ Ге, В. А. Маклаковъ, молодой Цингеръ, кто-то изъ братьевъ Раевскихъ и сестра Льва Ник., Марія Николаевна. Особенно ласковъ былъ со мной старикъ Ге. Онъ подробно спрашивалъ меня и заставлялъ меня даже повторять мои рассказы. А Марья Ник. обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, почему же мы такъ прислушивались къ звону колоколовъ передъ свѣтлой заутреней? Она, вѣроятно, надѣялась открыть у меня какой-нибудь остатокъ православія и не предполагала, что здѣсь главную роль играли воспоминанія дѣтства и тоска по родной семьѣ.

Левъ Николаевичъ былъ въ самомъ свѣтломъ, ласковомъ настроеніи, и казалось, что ему все было интересно, что я рассказывала о нашей жизни. Онъ немного нахмурился, когда я стала рассказывать о планахъ ухода.

— Куда они хотятъ итти? Нужно быть тамъ, гдѣ мы нужны. А въ такомъ случаѣ дальше сосѣдней деревни никуда не уѣдешь, потому что тамъ окажется такой запросъ на наши силы, что никуда нельзя уйти.

Выраженіе «итти искать Іерусалима небеснаго» отталкивало Льва Ник. своимъ мистицизмомъ. Онъ намѣренно ни разу не упомянулъ его и выражался какъ можно проще. Но это его недовольство мало повліяло на меня. Не повліяло на меня и то, что Марія Львовна сообщила мнѣ о перемѣнѣ настроенія Н. Ф., которая тоже хотѣла итти.

Дома я устроила свои дѣла такъ, что была теперь совершенно свободна и могла итти, куда хотѣла; и я вернулась въ деревню въ томъ же счастливомъ настроеніи, въ какомъ и уѣхала. Въ Богичевкѣ я застала новаго сотрудника М. Ч. Онъ взялъ на себя веденіе кассы и счетоводство и оставался въ «главномъ штабѣ». Я поселилась здѣсь же, предполагая пробыть въ Бѣгичевкѣ до возвращенія Толстыхъ. Весна теперь была во всемъ разгарѣ. Всюду зеленѣла молодая травка, зацвѣтали фруктовыя деревья. Весенній воздухъ вѣялъ какимъ-то счастьемъ жизни послѣ тяжело проведенной зимы. Надежда на новый урожай тогда еще не была отнята. Плохо было только то, что не всѣ поля были засѣяны. Но, все-таки, все повеселѣло и ожило даже въ черныхъ, убогихъ хатахъ окрестныхъ крестьянъ.

Съ новой энергіей начались работы, новые вопросы встали передъ нами, а нѣкоторые изъ старыхъ отступили на задній планъ,—не требовалось больше дровъ для отопленія избъ; разныя зимнія работы для женщинъ прекратились. Но зато нужно было позаботиться о сѣменахъ, о закупкѣ лошадей. Увеличивалось число пріютовъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, такъ какъ съ наступленіемъ теплаго времени среди нихъ начались уже заболѣванія. Пріемы эти устраивались по слѣдующему плану. Въ какую-нибудь семью, гдѣ было много мелкихъ дѣтей, давалась корова. Смотря по количеству даваемого ею молока, опредѣлялось и число дѣтей. Обыкновенно одной коровы доставало на десятокъ малышей. Въ пріютѣ выдавалось пшено, а для дѣтей въ возрастѣ до одного года—мелкая, гречневая крупа. Хозяйка пріюта варила изъ этого молочную кашу и раздавала матерямъ, у которыхъ были маленькія дѣти. Въ пріютѣ принимались дѣти до 5-ти лѣтъ.

Весна стояла ясная и теплая, и ходить отъ деревни къ деревнѣ было теперь гораздо пріятнѣе. Фруктовыя сады были усыпаны цвѣтами и далеко распространяли свой ароматъ. Но зато ѣздить стало труднѣе. Съ началомъ полевыхъ работъ каждая лошадь была на счету, и намъ давали для разѣзда только самыхъ плохихъ. Мѣстность же въ этой части Рязанской, Тульской губ. удивительно пустынная и ровная,—кругомъ все поле, да поле,—ни деревца, ни лѣсочка на очень далекія разстоянія, такъ что чрезвычайно легко спутать дорогу въ мало знакомой мѣстности. Помню, какъ я разъ послѣ долгаго путешествія, еле прибрела въ Паники, ведя подъ уздцы лошадь, которая шла еще хуже меня. Зато мы теперь много могли ходить пѣшкомъ; непріятной при этомъ помѣхой былъ только обычай у окрестныхъ по-

мѣшиковъ и даже у богатыхъ крестьянъ, у которыхъ было что сторожить, держать очень злыхъ собакъ.

Я напряженно ждала Толстыхъ, чтобы заявить имъ о своемъ уходѣ въ невѣдомое мнѣ странствованіе и сдать всѣ дѣла. Работниковъ теперь все прибавлялось, зимняго оди-ночествa уже не чувствовалось, и казалось, что можно уже разстаться съ нашимъ фальшивымъ, неестественнымъ положеніемъ благотворителей и начать какую-то новую, истинную жизнь.

Глава XVII.

Конфликтъ съ духовенствомъ.

Въ это время со мной случилось происшествіе, которое сильно возмутило и взволновало Льва Никол., когда я ему рассказала объ этомъ. Разъ, въ какой-то праздникъ я навѣстила свое Татищево и, разумѣется, не забыла зайти къ матери моего прежняго, постоянного спутника, Васи. Ни его и никого другого изъ его семьи не было дома. Старуха лежала тяжело больная. Я сѣла около нея, и мы тихонько разговаривали. Вдругъ отворяется дверь въ хату, и какая-то нарядная баба вноситъ довольно большую икону. Оказывается, въ этотъ день по какому-то случаю служили молебны изъ хаты въ хату.

Больная старуха махнула рукой и сказала:

— Охъ, матушка, не носи ты ужъ сюда...

Баба быстро унесла икону изъ хаты. Какія причины были у старухи отказаться отъ молебна, я и до сихъ поръ не знаю. Можетъ быть, у ней просто не было лишняго двугривеннаго.

Только, нѣсколько минутъ спустя, въ хату входитъ молодой еще священникъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на меня, рѣзко спрашиваетъ больную:

— Ты отчего не принимаешь иконы?

Та ничего не отвѣчаетъ и только стонетъ. Священникъ настойчиво повторяетъ свой вопросъ. Опять никакого отвѣта. Тогда я сказала ему:

— Вы, вѣдь, видите, что она очень больна.

Онъ ни слова не отвѣтилъ и вышелъ.

Это маленькое событіе имѣло большія послѣдствія для Василія. Мать его скоро умерла. Младшую дѣвочку взяла къ себѣ на воспитаніе за небольшое вознагражденіе мельника. Старшій, идіотъ, кормится подаяніемъ. И Василій остался одинъ. Священникъ поднялъ тогда вопросъ объ удаленіи

его изъ общества за то, что онъ отошелъ отъ православія и перешелъ въ мою вѣру. Собрали сходъ для обсужденія этого вопроса, потому что это означало для Василія ссылку въ Сибирь, какъ негоднаго члена общества. Васю призвали и заставляли его признаться во всемъ, и нервный мальчикъ, разрыдавшись, призналъ все, что отъ него требовали.

Онъ подтвердилъ басню о томъ, что дѣйствительно перешелъ въ мою вѣру, потому что я все время уговаривала его и когда онъ, наконецъ, далъ свое согласіе, то состоялся и самый переводъ. Разъ, по его словамъ, когда мы, зимой, съѣхали съ нимъ съ высокаго откоса на рѣчку Рыхотку, я остановила внизу лошадь и велѣла ему вылѣзть изъ саней. Затѣмъ, я заставляла его поклясться въ томъ, что онъ будетъ теперь слѣдовать моей вѣрѣ. А для подтвержденія этой клятвы, велѣла ему снять съ своей шеи крестъ. Когда онъ снялъ, я сказала:

— Ну, теперь закопай его въ снѣгъ.

Вася закопалъ.

— Теперь прыгай черезъ него три раза туда и обратно.

Когда все было исполнено, я сказала ему:

— Ну, теперь ты перешелъ въ мою вѣру.

Такъ фантазировалъ нервный мальчикъ, потрясенный грозившей ему бѣдой, плакалъ, становился на колѣни передъ этимъ темнымъ «міромъ» и просилъ не губить его, обѣщая возвратиться въ лоно православной церкви. «Міру» было жалъ мальчика, его любили въ деревнѣ и стали просить священника простить его. Священникъ согласился принять его обратно на слѣдующихъ условіяхъ: Вася долженъ былъ купить новый крестъ, и въ этомъ крестѣ, повѣшенномъ на новой же ленточкѣ, пойти къ исповѣди. Послѣ исповѣди и причастія, онъ со всѣмъ «міромъ» и со священникомъ во главѣ пойдеть въ свою хату, которую окропятъ святой водой и торжественно отслужать тамъ молебенъ.

Такъ былъ принятъ въ лоно православной церкви тотъ Вася, который зимой, со слезами на глазахъ, выпрашивалъ у меня полтора рубля, чтобы отслужить заупокойную обѣдню по отцу.

Глава XVIII.

Различныя теченія среди учениковъ Льва Николаевича.

Наконецъ, пріѣхали и Толстые. Въ Бѣгичевкѣ опять собралось много народу, и домъ оживился. Наша тихая, рабочая жизнь навсегда кончилась. Работы, правда, было, по-

прежнему, немало, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно наѣзжали и новые люди. Весь этотъ періодъ до своего отъѣзда въ Ясную Поляну въ двадцатыхъ числахъ мая Левъ Ник. былъ въ прекрасномъ, сосредоточенномъ настроеніи, и мы теперь часто собирались по вечерамъ и вели бесѣды на самые серьезные, жизненные вопросы.

Днемъ мы всѣ интенсивно работали и къ вечеру такъ уставали, вопросы народнаго кормленія такъ наболѣли и всѣмъ такъ сильно чувствовалась ненормальность нашего положенія, что мы рѣшили по вечерамъ не заговаривать больше о дневныхъ, практическихъ дѣлахъ, а использовать немногіе оставшіеся дни такого тѣснаго общенія со Львомъ Николаевичемъ для самыхъ существенныхъ разговоровъ и для выясненія основныхъ вопросовъ жизни и дальнѣйшихъ нашихъ шаговъ.

У насъ же, у молодежи, складывалось такимъ путемъ новое міросозерцаніе, открывались новые горизонты. Я любила пріѣхать домой, съ работы, когда всѣ уже вернулись. Сядешь, бывало, утомленная на кругломъ диванчикѣ въ уголку, сначала еще энергично принимаешь участіе въ общемъ разговорѣ, а потомъ и задремлешь. Вѣроятно, всѣ мои мысли, всѣ мои чувства всегда ясно отражались на моемъ лицѣ и въ моихъ глазахъ. Левъ Ник. всегда читалъ въ нихъ, какъ въ открытой книгѣ, и мнѣ такъ легко и спокойно было подъ этимъ наблюденіемъ и какимъ-то заботливымъ вниманіемъ.

Помню, одно время меня одолѣвало сознаніе собственнаго несовершенства и какой-то непригодности къ жизни. Разговоръ шель о чемъ-то другомъ, а у меня въ глазахъ стояли слезы. Левъ Ник. глядѣлъ на меня, глядѣлъ и потомъ какимъ-то ласковымъ, душевнымъ голосомъ заговорилъ со мной:

— Что это вы, дорогая, такая грустная? Знаю, вѣдь, я, понимаю все, о чемъ вы думаете. Это—грусть хорошая, вы о ней не жалѣйте.

И онъ самъ разсказалъ мнѣ всѣ мои мысли, все мое настроеніе.

— Не загадывайте о будущемъ,—говорилъ онъ, — что нужно будетъ, то и дѣлайте. Жизнь вамъ сама скажетъ. Вѣдь, нѣтъ христіанскаго дѣла, а есть только христіанское отношеніе къ дѣлу.

Среди сторонниковъ ученія Льва Никол. и его близкихъ учениковъ начинался тогда серьезный расколъ. Одни продолжали оставаться на его точкѣ зрѣнія; другіе, какъ Ар. Ал. и Мих. Н. уходили въ мистицизмъ и возвращались въ православіе. Страстная душа Ар. Ал. искала тогда сильной орга-

низации, обладающей традиціями и вліяющей на широкія массы народа, и ему, повидимому, казалось, что такую именно организацію можетъ собой представить официальная церковь. Мих. Н. интересовался больше отвѣченными вопросами,—искушеніемъ, воскресеніемъ, благодатью и т. п. Онъ былъ однимъ изъ любимцевъ Льва Ник. и сдѣлался потомъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ его. Льву Ник. самая мысль о какой-то внѣшней организаціи была не-пріятна, а возвращеніе къ православному образу мыслей прямо чуждо.

Иногда разговоры принимали довольно острую форму. Левъ Ник. волновался иногда и долго послѣ повторялъ:

— Ахъ, какой ужасъ, какъ они могли дойти до какой-то вѣры въ благодать. Такъ, вѣдь, одинъ шагъ только до настоящаго поповства.

И жизнь показала, какъ мало онъ ошибался.

Очень остро стоялъ также и семейный вопросъ. Левъ Ник. очень настойчиво уговаривалъ одного изъ нашихъ товарищей, Вл. С., вернуться въ свою семью, гдѣ у него осталась жена и нѣсколько человѣкъ дѣтей, и работать на нихъ. Въ отвѣтъ на это ему говорили, что Христосъ сказалъ: «Оставь отца и мать твою и слѣдуй за мной», и затѣмъ поднимали вопросъ о самомъ Львѣ Ник. Преданные ему и страстно его любящіе ученики страстно убѣждали его тоже оставить семью и итти въ народъ, говорили, что мѣсто его среди массъ.

Левъ Ник. часто раздражался на это, говорилъ, что человѣкъ не имѣетъ права отнимать себя у семьи и что онъ долженъ нести свой крестъ, хотя онъ и чувствуетъ, что этотъ крестъ для него тяжелъ. Къ вопросу объ уходѣ онъ относился съ необыкновенной рѣзкостью.

Въ отвѣтъ на это его обвиняли въ консерватизмѣ. Слушая его горячія возраженія, кто бы могъ подумать, что и у него, у самого зрѣла таже мысль объ уходѣ.

Въ это время какъ разъ собирались уходить М. Ал. съ Вл. С. странствовать по Россіи и искать Іерусалима небеснаго, какъ они говорили. Но моя готовность итти съ ними начала теперь падать. Самая работа снова захватила меня, и я чувствовала всю невозможность бросить дѣло. Левъ Николаевичъ энергично поддерживалъ во мнѣ эту мысль. Но деспотическаго отношенія онъ отнюдь не проявилъ здѣсь, какъ это было видно изъ всего его поведенія въ этомъ вопросѣ.

Второй уходившей парой были молодой Н. И. Дудченко и Борисъ Николаевичъ Леонтьевъ, впослѣдствіи отравив-

шійся въ Полтавѣ. Бор. Ник. всегда чрезвычайно строго относился ко всякому проявленію чисто-личныхъ стремленій, но, повидимому, онъ такъ и не нашелъ удовлетворенія въ своемъ аскетическомъ образѣ жизни. Его физически слабый организмъ, очевидно, требовалъ болѣе снисходительнаго отношенія къ себѣ. Уходила эта пара совершенно тихо, незамѣтно, не вызывая такихъ бурныхъ и горячихъ споровъ, какъ первая.

Нерѣдко, впрочемъ, особенно во дни почты, напряженные споры стихали, и всѣ дружно говорили о вопросахъ всѣмъ близкихъ и о судьбѣ отсутствующихъ друзей. Много говорили о Дм. Ал. Хилковѣ, котораго только что отправили въ ссылку въ Закавказье. Сильно взволновалъ всѣхъ человѣконенавистнический листокъ архіерея Амвросія, подъ заглавіемъ «Проклятый штундистъ», къ каждой строчкѣ котораго Дм. Ал. Хилковъ приложилъ евангельскій текстъ, говорящій какъ разъ обратное. Мы вписывали эти тексты въ листки архіерея Амвросія и такіе листки потомъ въ большомъ количествѣ разсылались друзьямъ для распространенія.

Иногда Левъ Никол. читалъ намъ что-нибудь вслухъ, а затѣмъ опять шли разговоры, далеко за полночь. Около часу ночи, наконецъ, Левъ Ник. поднимется и напомнить намъ, что пора спать:—«Завтра, вѣдь, въ 7 час. подниму, идите спать».

Онъ уходилъ къ себѣ, а мы, собираясь разойтись, съ новой энергіей принимались обсуждать вставшіе передъ нами вопросы, и только часа въ три расходились по своимъ комнатамъ.

Еле раздѣвшись, я засыпала, какъ убитая, и когда на другое утро раздавался стукъ Льва Ник. въ дверь, мнѣ казалось, что и ночи почти не было.

Глава XIX.

Появленія натуралиста-философа и болѣзнь Льва Николаевича.

Одинъ разъ, вернувшись откуда-то, я увидѣла въ столовой на столѣ старую, рваную, войлочную шляпу.

— А, у насъ интересный гость, Вѣра Михайловна,—сказалъ мнѣ, улыбаясь, Левъ Николаевичъ.

— Кто такой?

— А вотъ увидите.

И, войдя въ комнату, гдѣ у насъ лежали разные журналы и бумаги, я, дѣйствительно, увидѣла на полу въ углу чьи-то торчащія, голыя ноги. Эти ноги принадлежали «интересному

гостю». Гостемъ оказался старикъ лѣтъ 70-ти, маленькій, заморенный, одѣтый въ какую-то совсѣмъ вытертую куртку, босой, растрепанный, но съ живымъ и какимъ-то ненормальнымъ блескомъ глазъ. Выраженіе его лица не привлекало къ себѣ, и, правду сказать, несмотря на всю свою оригинальность, сначала и до конца, онъ мнѣ не былъ интересенъ.

Что же касается до Льва Ник. и до большинства остальныхъ товарищей, то они почти всѣ, въ высшей степени, заинтересовались этимъ философомъ - натуралистомъ. Самое появленіе его у насъ было необыкновенно. Когда его спросили, откуда онъ явился, онъ отвѣтилъ: «изъ пространства». На вопросъ, куда онъ направляется, послѣдовалъ отвѣтъ: «въ пространство». А настоящее его мѣстожителство? «Здѣсь». Пришлось помириться пока на этомъ. Потомъ онъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о себѣ.

При немъ оказался даже какой-то билетъ на жительство, который требовался нашей полиціей, не признававшей неопредѣленнаго «пространства».

По національности, нашъ гость оказался шведомъ. Онъ разсказалъ намъ, что былъ когда-то богатымъ коммерсантомъ, но потомъ понялъ всю несправедливость своего богатства, роздалъ его до копейки бѣднымъ и вотъ уже тридцать лѣтъ странствуетъ по всему свѣту, былъ и въ Индіи, и въ Китаѣ и сейчасъ явился къ намъ откуда-то съ востока.

По убѣжденіямъ, онъ—самый крайній натуралистъ, признаетъ только ручной и самый примитивный трудъ, вплоть до вскапыванія земли палкой и разбиванія зеренъ камнями. Куреніе табаку, питье чая подвергались съ его стороны самой безпощадной критикѣ. Самоваръ онъ называлъ идоломъ, вокругъ котораго мы собирались для поклоненія.

— Если бы люди знали, сколько крови и страданій заключается въ каждой чашкѣ чая, что я самъ видѣлъ въ Китаѣ,—говорилъ онъ,—то они не стали бы пить чая.

Онъ и у насъ не хотѣлъ оставаться безъ дѣла и рѣшилъ сажать картошку на какомъ-то клочкѣ земли, который ему предоставили для этого занятія. Слабый, истощенный старикъ работалъ, разумѣется, очень плохо.

Разъ, онъ какъ-то увидѣлъ, какъ быстро и ловко вскапывалъ лопаткой поле М. Ал. и залюбовался имъ.—Онъ можетъ прокормить трехъ женъ и десять человѣкъ дѣтей,—заявилъ онъ. И его натуральной философій нисколько не противорѣчило имѣть этихъ трехъ женъ, и десять человѣкъ дѣтей, разъ онъ ихъ можетъ прокормить. Эта сторона его философій, какъ мнѣ казалось, стала немножко отталкивать Льва

Ник. Но его остроумная и беспощадная критика богатыхъ людей и несправедливаго, экономического строя жизни могла, дѣйствительно, серьезно заинтересовать его собесѣдниковъ.

И вотъ, въ нашей столовой, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ самые разнородные элементы, сошлись два человѣка изъ самыхъ различныхъ міровъ.

Разъ, какъ-то, возвращаясь съ работы днемъ, я вошла, веселая и оживленная, въ залу черезъ балконъ и увидѣла, что Левъ Николаевичъ разговариваетъ съ какимъ-то полнымъ, представительнымъ и изысканно одѣтымъ господиномъ. Это оказался генераль Беръ, одинъ изъ членовъ комитета наслѣдника, по дѣлу помощи голодающимъ. Онъ пріѣхалъ предложить Льву Ник. денегъ изъ комитета для его столовыхъ. Левъ Ник. предпочелъ отказаться отъ предлагаемыхъ денегъ, но къ посѣтителю отнесся, какъ всегда, очень мило, и любезно. Кромѣ того, онъ нашелъ, вѣроятно, небезынтереснымъ и небезполезнымъ для генерала познакомиться его со своимъ философомъ. Философъ пришелъ и сѣлъ, по своему обыкновенію, на полу. Онъ не признавалъ мебели. Иногда и собесѣдникъ садился къ нему на полъ, чтобы удобнѣе было разговаривать. Но генераль Беръ сѣлъ противъ него на стулъ. Разговоръ у нихъ шелъ по-нѣмецки. Философъ обрушился на генерала за его папиросы и говорилъ очень воодушевленно, со всѣми ораторскими приемами. Но надо думать, что слова его не произвели большого впечатлѣнія на генерала, хотя онъ и съ любопытствомъ разсматривалъ старика.

Философъ нашъ не только не признавалъ мебели, но почти не признавалъ и костюма, и его собственный, нищенскій костюмъ былъ, до нѣкоторой степени, только уступкой полиціи. Но случалось, что онъ сидѣлъ завернутый только въ одно одѣяло, но, къ счастью, не выходилъ въ такомъ видѣ въ залу. Обувѣ онъ никогда не носилъ, и въ холодные дни намъ было очень жалко старика. Въмѣсто подушки, онъ спалъ на бутылкѣ, находя, что подушка портитъ слухъ.

Однажды, онъ захотѣлъ приготовить хлѣбъ по своему методу.

— Лучше всего, разумѣется, ѣсть зерна сырыми,—говорилъ онъ, но какъ уступку человѣческой слабости разрѣшалъ и печеніе хлѣба. Муку же онъ толочъ самъ изъ зеренъ. Принесли ему зерна, ступку, и онъ принялся за дѣло. Но бѣдный старикъ былъ такъ слабъ, что и здѣсь ему пришлось помогать. Смѣшавъ приготовленную муку съ водой,—молока старикъ тоже не употреблялъ, говоря, что его соб-

ственная мать уже умерла,—онъ приготовилъ какую-то лепешку и испекъ ее. Лепешку подали къ обѣду, и Левъ Ник., которому вреденъ былъ и хорошій, черный хлѣбъ, увлекся и поѣлъ этой знаменитой, непропеченной, непромѣшанной лепешки.

На другой день, съ утра ему сдѣлалось очень дурно. Поднялись боли, въ печени стали проходить камни. Марья Львовна страшно взволновалась, и когда я хотѣла итти куда-то по дѣлу, она не пустила меня.

— Не оставляй меня сегодня, пожалуйста, одну,—попросила она.

Я осталась.

Ужасный день провели мы. Боли у Льва Ник. все усиливались и сдѣлались совершенно невыносимыми. Онъ началъ страшно стонать. Марія Львовна клала ему припарки изъ льняного сѣмени; я изготавляла ихъ; но, очевидно, помогали онѣ плохо. Стоны все раздавались, и эти ужасные стоны просто терзали душу, а мы были, конечно, безсильны.

Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Только къ вечеру боли, мало-по-малу, стали уменьшаться, стоны стихали, и измученный страданіями Левъ Ник., наконецъ, заснулъ.

Марія Львовна послала телеграмму Софѣ Андреевнѣ, и когда я ее спросила, зачѣмъ, то она сказала мнѣ, что во время такого припадка Левъ Ник. можетъ внезапно умереть.

Когда на другое утро Левъ Николаевичъ вышелъ въ столовую, его нельзя было просто узнать,—такъ страшно измѣнился онъ за эти сутки. Тяжело было смотрѣть на его сразу похудѣвшее, смертельно блѣдное лицо, и мы невольно ходили и говорили тихо. Но къ вечеру онъ немного повеселѣлъ, и у насъ поднялся снова одинъ изъ самыхъ задушевныхъ разговоровъ.

Вдругъ, у крыльца послышался звонъ колокольчика, затѣмъ какое-то движеніе, и съ балкона въ залу вошла Софья Андреевна. Всѣ сразу стихли и какъ-то смутились.

Софья Андреевна пріѣхала взволнованная, сердитая и стала спрашивать, что случилось. Философъ въ это время мирно спалъ на полу, выставивъ какъ-то свои ноги. Софья Андреевна скоро замѣтила его.

— А это еще что за голыя ноги?

Пришлось рассказать ей всю исторію и познакомить съ обладателемъ голыхъ ногъ. Она просто возненавидѣла «грязнаго старика». Софья Андреевна осталась у насъ на нѣсколько дней и съ своимъ хозяйственнымъ умѣньемъ стала приводить въ порядокъ нашу довольно-таки безпорядоч-

ную жизнь. На столѣ снова появились чистыя скатерти, обѣдъ сдѣлался болѣе обильнымъ.

Между прочимъ, Софья Андреевна рассказала кое-кому изъ окрестныхъ, крестьянъ, что пріѣзжій иностранецъ накормилъ Льва Никол. какой-то дрянью, отчего тотъ и заболѣлъ. Это опять возобновило толки объ антихристѣ. Страшный видъ старика - шведа, казалось мнѣ, подтверждалъ ихъ предположеніе. Изъ словъ же Софьи Андреевны они заключили, что онъ отравилъ Льва Ник. и очень негодовали на бѣднаго, полусумасшедшаго старика. Цѣлыя легенды сложились про него,—говорили, что онъ обѣщаетъ прокормить на одномъ осьминникѣ того, кто продастъ ему душу.

Но скоро должны были пріѣхать хозяева имѣнія, которые могли быть вовсе не рады такому странному гостю, и надо было подумать, куда его устроить. Но куда? На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ теперь въ виду никакой перемѣны мѣста жительства. Софья Андреевна рѣшила, что Левъ Ник. для поправленія своего здоровья на нѣкоторое время уѣдетъ въ Ясную Поляну; и, несмотря на все ея недоброжелательство, пришлось взять съ собой въ Ясную и старика-шведа.

Софья Андреевна уѣхала отъ насъ одна, а Левъ Ник. съ Маріей Львовной оставались еще въ Бѣгичевкѣ до 20-го мая. Но до ихъ отѣзда мнѣ пришлось много еще пережить и перечувствовать не безъ участія Льва Николаевича.

Глава XX.

Уходъ странниковъ.

Наступилъ, наконецъ, день ухода нашихъ странниковъ. Это было 10-го мая. Они распростились уже съ Бегичевкой и со всѣми ея обитателями и должны были провести ночь въ Паникахъ, чтобы на утро уже отправиться оттуда. Итти они хотѣли безъ копейки денегъ, чтобы зарабатывать себѣ пропитаніе въ дорогѣ своимъ трудомъ.

Я окончательно уже рѣшила остаться до новаго хлѣба въ голодной мѣстности и, чтобы не поднимать больше волнующихъ меня разговоровъ, распростилась съ ними тоже въ Бѣгичевкѣ. Но едва они отправились, какъ Левъ Ник. заговорилъ со мной какъ-то о М. А., котораго онъ очень любилъ, съ необычайной рѣзкостью напалъ на него за то, что онъ—такой хорошій и честный человѣкъ, не хочетъ дать себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ и побужденіяхъ. Я попыталась возражать, защищая М. А., но Левъ Никол. не слушалъ и

говорилъ такъ рѣзко и раздраженно, что у меня слезы навернулись на глаза. Левъ Ник., какъ будто, не довѣрялъ чистотѣ его мотивовъ. Въ концѣ концовъ, замѣтивъ мое волненіе, онъ сразу смягчился и старался всѣми средствами развлечь меня, а потомъ, уже совсѣмъ поздно вечеромъ, у него оказалась статья, которую нужно было непременно отвезти Мит. Ал.,—это было написанная на ремингтонѣ «Первая ступень»,—и онъ попросилъ меня съѣздить въ Паники. Я и обрадовалась, и смутилась. Обрадовалась я потому, что мнѣ страшно хотѣлось вырваться изъ окружающей меня обстановки, гдѣ всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня. Марія Львовна тоже была какъ-то странно возбуждена и взволнована. Отправляя меня, она замѣтила:

— Это папа нарочно дѣлаетъ, чтобы ты еще разъ провѣрила, останешься ли ты съ нами или уйдешь.

Мнѣ было какъ-то жутко отъ всего этого настроенія, но я совершенно опредѣленно сказала Маріи Львовнѣ, что это—вопросъ для меня рѣшенный и что я, конечно, вернусь.

Лошадей свободныхъ въ домѣ не было, и для меня наняли въ деревнѣ телѣгу. Ъхалъ со мной хорошо знакомый мнѣ крестьянинъ, Трофимъ. Ночь была такъ темна, что буквально ничего нельзя было видѣть.

— А что, Трофимъ, мы не собьемся съ дороги въ такую темноту?—спросила я.

— Ничего, Вѣра Михайловна, вотъ только бы намъ лозинку на поворотѣ замѣтить, а то можемъ и въ Савкинъ оврагъ попасть.

Савкинъ оврагъ лежалъ на полпути, между Бѣгичевкой и Паниками; въ немъ было множество развѣтвлѣній, такъ что и днемъ здѣсь не трудно было запутаться, не говоря уже о темной ночи, и Трофимъ принялся мнѣ рассказывать о разныхъ приключеніяхъ въ Савкиномъ оврагѣ.

— Что это долго лозинки не видать?—вспомнилъ, наконецъ, онъ.—Да мы ровно бы не туда ѣдемъ,—и онъ повернулъ куда-то въ сторону.

Ночь стояла темная и тихая, только слышалось тяжелое громоуханье нашей телѣги. Ъхали мы, ѣхали, и наткнулись. наконецъ, на какую-то стѣну; дорога въ этомъ мѣстѣ оканчивалась.

— Э, да мы и впрямь въ Савкиномъ оврагѣ,—тревожно замѣтилъ Трофимъ.—Ну, теперь намъ до утра не выбраться. придется ночевать здѣсь.

Было очень тепло, и перспектива ночевать въ Савкиномъ оврагѣ нисколько меня не испугала. Я боялась только одного,—что странники уйдутъ на разсвѣтѣ, и я не увижу ихъ и

не исполню порученія Льва Ник. Кромѣ того, мнѣ еще разъ хотѣлось видѣть ихъ и поговорить съ ними.

Мы принялись искать дорогу, но всѣ наши усилія были напрасны. Съ неуклюжей, тяжелой телѣгой мы, то куда-то взбирались вверхъ, то снова спускались, то натыкались на какую-то отвѣсную стѣну. Лошадь устала.

— Постой, Вѣра Михайловна, я пойду одинъ, поищу дорогу, а ты побудь здѣсь съ лошадыю. И Трофимъ ушелъ, время отъ времени окликая меня, такъ какъ онъ и самъ боялся спутаться. Я осталась одна въ темнотѣ. Съ полчаса искалъ Трофимъ дорогу. Наконецъ, его темная фигура вдругъ появилась около телѣги.

— Нашелъ! Ёдемъ теперь!—весело проговорилъ онъ.

И, наконецъ, мы выбрались изъ этого лабиринта. Наверху было много свѣтлѣе, чѣмъ въ глубинѣ оврага, и ночь не казалась уже намъ больше такой темной.

Только послѣ полуночи добрались мы до Паникѣ. Когда я вошла во флигель, то М. А. встрѣтилъ меня словами:

— Я зналъ, что ты придешь.

Онъ былъ въ какомъ-то приподнятомъ, мистическомъ настроеніи. Сначала, жуткое чувство опять охватило меня, но затѣмъ его настроеніе стало передаваться и мнѣ. Мы проговорили большую часть ночи.

Утромъ, я съ А. Ф. пошли проводить нашихъ странниковъ. Но, какъ только мы вышли изъ усадьбы, навстрѣчу намъ показалась только что вернувшаяся изъ Москвы Н. Ф. Она была очень рада, что еще застала странниковъ и уговорила ихъ остаться еще на день. Я же простилась съ ними и пошла въ Бѣгичевку, но они догнали меня и то же уговорили остаться на денекъ вмѣстѣ.

День прошелъ въ самыхъ серьезныхъ и напряженныхъ разговорахъ. На утро всѣ были въ спокойномъ и даже радостномъ настроеніи. Когда странники вышли въ путь, вся окрестность была закутана густымъ, теплымъ туманомъ. Въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Я должна была идти съ ними до полдороги по пути въ Бѣгичевку, а сестры Ф. провожали насъ. Вдругъ, впереди разорвалась бѣлая пелена тумана, и изъ-за ея обрывковъ на насъ выглянуло яркое, сіяющее солнце и освѣтило всю окрестность. Подъ его горячими лучами быстро, быстро начали исчезать и таять бѣлыя стѣны тумана и все, что закрывало отъ насъ далекій горизонтъ. А яркое солнце все больше и больше заливало окрестность и, какъ побѣдитель, поднималось все выше и выше. На всѣхъ эта картина произвела сильное впечатлѣніе.

— Теперь мы вступаемъ въ область свѣта, — сказалъ

М. А.,—а тамъ все прошлое останется позади, въ туманѣ. Насъ ждетъ Іерусалимъ небесный...

Простившись съ Ф., мы пошли дальше молча; никому не говорилось. Наконецъ, мы дошли до перекрестка, гдѣ я должна была съ ними разстаться.

— Пойдемъ съ нами,—сказалъ В. С.,—вотъ такъ прямо, какъ есть, не приготавлиаясь. Платье можно по дорогѣ обмѣнять на крестьянское.

Предложеніе было очень заманчиво, но у меня уже было никакихъ колебаній въ душѣ. Мы тихо разстались, и они пошли. Но едва они отошли нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ я сдѣлала движеніе и чуть было не послѣдовала за ними. Они почувствовали это и обернулись ко мнѣ. Но я уже опомнилась, улыбнулась своему порыву и махнула имъ только рукой. Они пошли дальше, а я спокойно направилась въ Бѣгичевку.